

нима роль гуманитарных дисциплин и в объяснении новых реалий мира как целого.

Таким образом, гуманитаризация высшей школы является велением времени и должна носить системный характер. И ведущую роль в этом процессе должны занимать кафедры социально-гуманитарных наук. Это подчеркивал академик Д.С. Лихачев: «Огромное значение имеют для авторитета нации и страны гуманитарные науки» [1, с.599]. Формирование у студентов гуманистических ценностных ориентаций, а также мотивов поведения в сложном процессе современного развития является ключевой проблемой и магистральным направлением в подготовке специалистов нового поколения.

Литература

1. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.

Мифологичность проекта мультикультурализма и практическая достоверность евразийства

Ковшов Е.М., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

В статье показана мифологическая сторона теории мультикультурализма, которая заключается в преувеличении (вплоть до абсолютизации) роли культурных различий социальных групп и общностей, приводя к отчуждению людей. Это подтверждается практикой межкультурных отношений в странах Запада, где вместо политически интегрированного общества существует множество автономных этнических общин иммигрантов, не желающих воспринимать нормы западной культуры. Концепция евразийства, возникшая в начале 20 в., лишь теоретически зафиксировала практику межкультурных отношений, сложившуюся в России в течение многих столетий.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, иммиграция, политика, евразийство.

Е.М. Kovshov, Samara

The mythologization of the multicultural project and the practical reliability of the eurasianism

In this article it is shown the mythological side of the multiculturalism theory which is in the overestimation (up to the absolutization) of the cultural differences role among social groups and communities leading to the people alienation. It is confirmed

by the practice of the multicultural relationships in West countries there are a lot of autonomous ethnical immigrant communes without any desire to assimilate the values of the west culture instead of the political integrated society. Eurasianism conception emerged in the 20th century recorded the practice of the multicultural relationships theoretically occurred in Russia for many centuries.

Keywords: culture, multiculturalism, immigration, policy, eurasianism.

Сегодня особенно остро чувствуется необходимость решения проблемы мирного существования субъектов многокультурного общества. В этой связи «в современном социально-культурном, социально-политическом дискурсе наблюдается повышенный интерес к проблемам культурного многообразия, к условиям, создающим возможность сосуществования культур в едином социальном пространстве и времени» [1, с. 4].

Множество одновременно существующих культур (мультикультурность) является одной из важных характеристик внутренних процессов современного общества, влияя на формирование социальной действительности, вызывая у субъекта (личности, группы) социальной деятельности определенное понимание своего места в обществе, выработку соответствующей стратегии и тактики взаимодействия с субъектами иных культур. В теории такое понимание выражено в концепциях ассимиляции, сегрегации, евразийства и мультикультурализма.

Для избежания недостатков сегрегации и ассимиляции в западной социологии начала XX в. была сформулирована концепция «плавильного тигля», согласно которой в демократическом обществе постепенно произойдет стирание культурных различий (национальных, религиозных, расовых и др.) в результате чего возникнет «средний европеец» и «средний американец». Эту концепцию сменили теории «салата», «томатного супа», которые исчерпали себя к последней трети XX столетия. Вслед за ними был выдвинут проект мультикультурализма, призванный разрешить противоречия отношений многокультурного общества.

На рубеже XX – XXI вв. положения мультикультурализма вносятся в ряд международных документов. Так во Всеобщей декларации прав человека предпринимается попытка институционализировать культурное разнообразие путем признания его как «общего достояния человечества», соответственно, признание культурного плюрализма, как политической стратегии в многокультурном демократическом мире и т.д. Практика мультикультурализма, толерантности, идентичности в современном мире анализируется в таких документах, как «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии», представляющая собой, по сути, манифест мультикультурализма [2].

Американский социолог и филантроп С. Рокфеллер, основываясь на синтезе идей неомарксизма и научных изысканий канадского философа Ч. Тейлора, создает совместно с бывшим главой СССР М. С. Горбачёвым и М. Стронгом (председатель и основатель Совета Земли) Хартию Земли – международную декларацию основополагающих принципов и ценностей для создания устойчивого и мирного глобального общества в XXI в., в которой С. Рокфеллер провозглаша-

ет мультикультурализм основной моделью существования будущих поколений [3].

Теория мультикультурализма, провозглашая равенство всех культур в обществе, включала в себя недостаточно обоснованный тезис о том, что культурные и этнические меньшинства прежде всего хотят утвердить свои отличия, она стремилась институционализировать многообразие, ограничив людей этническими и культурными рамками отдельных общин с определенными нуждами и правами, не проведя достаточных социально-психологических исследований. Эта теория игнорировала исходную общественную природу человека, пытаясь искусственно провести смешение культур акцентируя внимание (вплоть до абсолютизации) на культурных различиях социальных групп и общностей, основываясь на идеальном (утопичном) представлении о возможности в настоящее время устройства политической системы общества с равнозначными групповыми культурами без хотя бы частичной ассимиляции, без доминирования какой-либо из множества культур, принимаемой в качестве основы образа жизни.

Политика мультикультурализма в странах Запада в 70-80 гг. XX в., вытекающая из данного теоретического проекта, имела целью создание политически интегрированного общества и началась с поощрения правительствами этих стран сохранения иммигрантами своей культуры, языка и образа жизни, предоставления им привилегий вместо организации направленности их деятельности на усвоение языка и норм культуры населения страны пребывания. Принимались меры (пособия, обеспечение места жительства, разрешение на проезд родственников и др.), в результате которых планировалось снизить потенциальную напряженность между коренным населением и иммигрантскими общинами. То есть в европейских странах теория мультикультурализма интерпретировалась как политика определенных мер и уступок по отношению к иммигрантским общинам; вся мультикультурная риторика свелась к указанным мерам по снижению напряженности без реального доступа иммигрантов к влиянию на политическую систему западных государств.

Вопреки ожиданиям, следствием такой политики стало не создание общей инклюзивной культуры, а возникновение параллельных общин, нередко конкурирующих друг с другом в борьбе за ресурсы. На практике эта политика не подразумевала фактического равенства иммигрантов и коренного населения, уважения к многообразию культур. Осознавая сущность такой политики, иммигрантские общины не признавали существующий государственный порядок и коренное население своими, а коренное население в большинстве отчужденно относится к иммигрантам.

На наш взгляд очевидно, что такая политика, основанная на мифическом тезисе о обществе состоящем из автономных однородных культур, которые конкурируют, стараются избегать друг друга, не способна была создать политически интегрированного общества, а искусственно сеяла отчуждение вместо общения по согласованию интересов.

Антитезой мультикультурализму как теории и практики межкультурных отношений является евразийство.

Если мультикультурализм формировался как разновидность социальной проективной рефлексии, нацеленной на конструирование будущих межкультурных отношений в политически интегрированном обществе, то концепция евразийства возникла «задним числом» как рефлексия межкультурных отношений, сложившихся в практике народов России в течение многих столетий.

Осмысление своеобразия сложившейся практики на теоретическом уровне привело к возникновению концепции евразийства в интеллектуальной среде русской эмиграции лишь в 20-30-х гг. XX в. Она была сформулирована П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким, Г.В. Вернадским и др. представителями русского зарубежья.

В отличие от стран Европы, Россия исторически формировалась как многонациональное многокультурное общество и продолжает оставаться таковым в настоящее время. В Киевскую Русь уже в XI-XII вв. н.э. входили славянские, лето-литовские, финно-угорские и тюркские племена [4, с. 403], образуя единое общество на базе русского языка и православного христианства. В последующие времена «в процессе освоения Урала и Сибири в состав российского государства вошли (помимо татар) многие народности, находившиеся на уровне первобытного общества (ханты, манси, эвенки, тунгусы и др.), включение которых в состав России способствовало их развитию по пути цивилизации при сохранении своеобразия своих национальных культур. Ярким свидетельством сформировавшегося единства российского общества является организация народного ополчения в 1612 году для изгнания польских интервентов, в котором совместно участвовали русские, татары, мордва, черемисы, марийцы и др. В XVIII-XIX вв. о России можно говорить как уже о сформировавшемся евразийском пространстве и цивилизации» [1, с. 32-33]. По представлению Е. А. Тюгашева, «евразийский тип социокультурного синтеза имеет длительную историю и множество конкретных вариантов. Учение евразийцев стало рефлексией только одной из форм состоявшейся социокультурной практики». Он полагает, что зарождение евразийского социокультурного типа относится к эпохе формирования индоевропейской культуры и потому «индоевропейцы стали первыми евразийцами» [5, с. 107].

Практика многих столетий межкультурных отношений сформировала в России ту социальную реальность, которая была принята в качестве идеологии российского государства и утверждалась им при проведении политики межкультурных отношений. Если сфера церкви трактовалась евразийцами как сфера свободы, то «сфера государства – сфера силы и принуждения» [6, с. 42]. Характер государства, соответствующий особенностям евразийской культуры, они определяли как демотический или народный, противопоставляя его европейской демократии как формальной, основанной на трактовке государства, механически объединяющего атомизированных индивидов, и выродившегося в современных условиях в диктатуру парламентариев.

Евразийцы понимали государственный строй как результат образования органической связи между народом и вырастающим из него правящим слоем, формулирующим народное мирозерцание, выражающим и осуществляющим его волю. Они считали вполне приемлемой форму властных отношений, осно-

ванную на однопартийной системе большевистской диктатуры и построенную на многостепенных выборах системе Советов, которая должна наполниться новым идейным содержанием при крушении коммунистической идеологии. Они рассматривали себя как возможных преемников власти в России после коммунистов в новых исторических условиях.

В решении национальной проблемы обезличиванию наций в коммунистическом интернационале они противопоставляли истинный союз народов, который обеспечил бы их равноправное культурное развитие и в котором русский народ был бы первым среди равных. В этой связи евразийцы поддерживали культурный национализм и отвергали национализм политический. В отношении религии программа евразийцев предполагала утверждение нового православного христианства путем индивидуального религиозного перевоспитания. Новизна нарождающейся религиозности состояла в переходе от пассивности к активной реализации опыта, накопленного в веках созерцательного бытия. Возрождение религиозности невозможно без восстановления независимости церкви. Религиозное единство России-Евразии виделось евразийцам как совместная жизнь различных великих религий (христианства, ислама, буддизма) на основе равноправия. Они обоснованно утверждали, что Россия, органично соединяя в себе европейское и азиатское начала, сама выступает как самобытная самостоятельная цивилизация.

Евразийская проблематика не закончилась в XX столетии, а в 2000-е гг. постепенно занимала все большее место в научном дискурсе: защищались диссертации по различным наукам, публиковались статьи, проводились конференции, издавались книги. В результате евразийство сформировалось в широкое направление социально-гуманитарных исследований и стало выдавать серьезную научную продукцию. Именно в этом ряду следует назвать и новую коллективную монографию сибирских ученых «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» (под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Параллель, 2010). Принципиально важно то, что авторы стремятся осмыслить евразийство не только как комплекс идей, но и как своеобразный социокультурный тип. В частности: «евразийство может рассматриваться как социокультурный тип деятельности, включающий различные исторические формы»; «евразийство – это не только историософская доктрина, но и способ цивилизационной самоорганизации, существующий не одно тысячелетие» [5, с. 5]. Авторы считают возможным подразумевать под евразийством «не мимолетное увлечение группы русских эмигрантов, а, скажем, объективно существующий и развивающийся на протяжении многих тысячелетий социокультурный тип» [5, с. 10]. Они исходят из представления о евразийском мире «как особой социокультурной реальности со своими ценностями, константами, самоорганизацией» [5, с. 10].

Современные «неоевразийцы» (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, А.В. Рябов и др.), наследуя основные идеи предшественников, конструируют отечественную идентичность как особый культурно-цивилизационный феномен, как альтернативу глобальному атлантизму. Современное евразийство – это теория многополярного мира, это особая модель интеграции народов на постсоветском про-

странстве на добровольной основе (Н.А. Назарбаев, А.Г. Дугин). В отличие от мультикультурализма, исходящего из принципа нивелирования этнических культур (кроме европейской или американской) и индивидуальной идентичности, евразийство призывает к диалогу традиционных для России культур и религий без умаления прав какой-либо из культурных общностей, отвергая модель этнического сепаратизма и тех или иных атрибутов политической независимости на территории РФ. Оценивая положительно признание мультикультурализмом равенства всех культур, евразийство выступает против европоцентризма и западничества, предлагая единое стратегическое управление российским обществом и полифонию отношений культур (А.Г. Дугин).

Литература

1. Ковшов Е. М. Евразийство и мультикультурализм как концепции межкультурных отношений: монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2013. 86 с.
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf> (дата обращения 12.12.2011).
3. Цатурян С. А., Филимонов Г. Ю., Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии // Политика и общество. 2012. № 2. С. 62-71.
4. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
5. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Параллель, 2010. 449 с.
6. Евразийство: опыт систематического изложения. Париж; Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1926. 77 с.

Нормативное измерение виртуальных социальных сетей*

Порозов Р.Ю., Екатеринбург

канд. культурологии, доцент кафедры
акмеологии и психологии среды,
Уральский государственный педагогический университет

В статье делается попытка социокультурной интерпретации феномена виртуальной социальной сети. Исходной и центральной категорией, с точки зрения которой обосновывается предлагаемая методология, является понятие «норма». «Норма», будучи одной из фундаментальных категорий классических социокультурных исследований, позволяет представить феномен виртуальной социальной сети как двухуровневую систему. Горизонтальное измерение пред-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ №17-03-0756 «Культура виртуальных социальных сетей: формирование и перспективы развития.